

**Эльяшевич А. П. Концепция
человека / А. Эльяшевич // Герои
истинные и мнимые : лит.-критич. ст. /
А. Эльяшевич. – Москва ; Ленинград,
1963. – С. 83-98.**

Не менее упрощенно трактовался другой, еще более сложный и значительный характер. Речь идет об образе Мансурова из повести В. Тендрякова «Тугой узел» (в журнальном варианте повесть называлась «Саша отправляется в путь»).

Нельзя правильно оценить образы книги, не поняв ее основного замысла. Сводя содержание повести все к той

¹ «Октябрь», 1956, № 4, стр. 180—181.

же борьбе честных советских людей с замаскированными приспособленцами, иные критики характеризуют Мансурова только как карьериста и обманщика. На такой точке зрения стоят и Н. Толченова, и Е. Старикова, и др.

Мансуров, восклицают они, ба, да это наш старый знакомый, видели, знаем, читали!

«Тип человека, подобного Павлу Мансурову, — пишет, например, Е. Старикова, — не впервые появляется в нашей литературе. В последние годы противопоставление карьериста и честного труженика стало довольно распространенным и типичным конфликтом в искусстве. Один из памятных всем примеров — это Виктор Потапенко в «Искателях» Гранина, живой человеческий характер, разоблачающийся перед нами в типичных поступках и действиях. Но, пожалуй, впервые мы встречаемся с таким глубоким обнажением этого конфликта в повести Тендрякова, когда обнаруживается не просто бесполезность или вредность подобного типа, но и его поистине роковая роль в человеческих судьбах».¹

Итак, опять Потапенко (не только я злоупотребляю сравнениями с этим героем), все тот же Потапенко — безыдейный авантюрист, любыми путями рвущийся к славе, власти, успеху, все та же коллизия, все тот же конфликт. Мансуров — ярче, Потапенко — бледнее. Потапенко вреден. Мансуров еще вреднее. Вот и все, что их различает. Поистине обидно за талантливого писателя Тендрякова, столь потрудившегося, выходит, только затем, чтобы создать еще одну вариацию уже всем хорошо известного типа.

Когда идея произведения лежит на поверхности, читать книгу до конца утомительно, да, пожалуй, и не стоит. Откройте лишь ту страницу, где автор в двух или трех словах, двумя или тремя фразами все, решительно все объясняет, прочтите эту басенную мораль и спокойно положите книгу на место. Вы уже усвоили ее нехитрое содержание.

Есть и другие книги. Их идеи нельзя ни механически отделить от развития характеров, от сюжета, ни логически абстрагировать. Но и в этих книгах существуют страницы, образы, эпизоды, в которых авторский

¹ «Знамя», 1956, № 6, стр. 181.

замысел находит свое наиболее полное выражение, где идеи залегают, так сказать, наиболее близко к поверхности и поэтому их легче понять.

Игнат Гмызин и Павел Мансуров молча идут с кладбища. Они только что похоронили секретаря райкома. Их волнует одна и та же мысль: «Комелев любил народ, а в районе не много было крепких колхозов. В МТС не могут обучить специалистов. Поломанные тракторы нередко по полгода простаивают около полей...»

Просто любить — куда легче, чем доказать любовь».

Разве Комелев не любил людей, разве он не отдал честно им свою трудную, мужественную жизнь? Но не было толка от его трудов, от его самопожертвования, от его душевного беспокойства.

«У Комелева во всех его командировках, заседаниях, беспокойствах была какая-то бессмысленность. Ломил, тянул воз через силу, сгорел на работе, а вспомнить нечем. «Любил», «был честным» — общие слова, разве это заслуга!»

Так вспоминает о секретаре райкома Павел Мансуров. Но, быть может, не стоит полагаться на его суждения? Быть может, он напрасно сгущает краски? Но вот говорит Игнат Гмызин: «Человеческие качества?.. Да в них ли дело? Комелев, слава тебе господи, имел эти качества, не пожалуешься. Честный, прямой... За то, чтоб хорошее людям сделать, на все готов, хоть с любого обрыва в воду... Плохо, если руководитель не имеет этих человеческих качеств, но этого, брат, мало... Хороший руководитель на две стороны слышит. Плохой туг на одно ухо: что сверху прикажут — на лету схватит, что снизу посоветуют — не доходит. Вот оно, качество... Тем и плох Комелев, что, как ручей по весне, все в одну сторону нес — сверху вниз. Людей любил, добра им желал и не доверял. Часто случается — кого любят, тому не доверяют».

Безразличие к людям превращало Потапенко и Луконину в тупых бюрократов. Но вот перед нами руководитель, преданный народу — и ничего хорошего тем не менее не сумевший для него сделать.

Человеческие качества? Да только ли в них дело, возражает Тендряков Казакевичу, Николаевой, Гранину и многим другим.

Конечно, плохо, когда этих качеств нет, не быть во-

обще тогда человеку руководителем, но их наличие далеко еще не решает дела. Недостаточно быть просто честным, хорошим, верным народу, надо еще и доверять народу, надо еще уметь видеть и защищать активно его интересы, слушать «на две стороны» — и сверху и снизу.

Доверять, уметь видеть и уметь слышать — вот чего не хватало Комелеву. Вот в чем причина его неудач.

Ночной разговор Гмызина и Мансурова — только деталь в общем ходе повествования, но эта деталь проливает яркий свет на самую суть идейной концепции Тендрякова. Не усвоив ее, нельзя понять ни глубины авторского замысла в целом, ни образа Комелева, ни характеров тех, кто рассуждает о нем.

Спору нет, очень заманчиво истолковывать Мансурова как авантюриста, рвущегося любыми путями к власти, как беспринципного демагога; заманчиво, потому что немало всяческих авантюристов и демагогов развелось в годы, когда нарушались принципы советского демократизма и законности.

Однако как ни заманчиво такое понимание образа Павла Мансурова, оно неверно по существу. Мансуров — совсем иной характер.

Анализ изложенных в книге фактов показывает безусловную ошибочность отождествления образов Мансурова и Потапенко, односторонность трактовки Мансурова только как обманщика и карьериста.

Итак, обратимся к фактам.

Запомним одно: до того момента, как Мансуров становится секретарем райкома, автор нигде и ни разу не говорит о его карьеристских планах. Чем пугает Мансурова судьба его предшественника Комелева? Работал человек, как вол, не знал покоя, сгорел на работе. Нет, думает Мансуров, не страшно умереть в бою, но хочется верить, что это кому-нибудь принесет пользу. Лишь бы толк видеть, толк! Неужели и Мансурову идти той же дорожкой? «Ты сам себе хозяин, — говорит Гмызин. — Делай свою жизнь не бессмысленной».

И вот что отвечает ему Павел: «Хозяин?.. Гм... Дежурное слово. Затыкают им, как пробкой пивную бутылку, из которой хлещет пена. Ты мне близкий человек, почти брат, вот ты пойми простые слова: не получается! С семнадцати лет пытаю судьбу, ищу чего-то большего, хочу распробовать плечи. Из глухой деревни ушел учиться.

Советовали стать бухгалтером. Пробовал, полтора года изучал балансы да кредиты, пока от этой пищи киснуть не стал. Раскачивал канцелярские стулья молодым задом, верил, что найду, вырвусь. И вот новый институт. Впереди диплом инженера-геофизика, экспедиции, паплатки среди дикой природы, диссертация в кабинетной тишине... Красиво! Учился, вгрызался в науку, часто хлебом да водичкой питался. Хлоп — война! С третьего курса маршевой ротой с песней «Шел, шел, герой, на разведку, боевой!..» По тылам не околачивался, до майора взлетел за четыре года. По строевой командира полка замещал. Что скрывать, мерещились мне будущие бои за мировую революцию, победы под командованием генерала Мансурова... Война кончилась, спросили: «Не кадровый офицер?» Нет. «Пожалуйте в запас». Доучиваться в институте поздно, да и вкус к наукам пропал. Сел вот в райкоме на заведование пропагандой и агитацией. В другом месте я бы, может, смог быть хозяином своей жизни. А мне сыплют инструкции, со всех сторон указывают, меня со всех сторон подталкивают: делай так-то, делай то-то, не иначе. Кто эти инструкции пишет? Кто указывает? Такие, как Комелев. Попробуй, докажи им свою самостоятельность».

Нельзя было не привести этот монолог целиком. Он глубоко обнажает природу мансуровского характера. Неумные силы кипят в этом человеке, не находят себе применения. Много лет пытается Мансуров расправить плечи, а не получается, не выходит жизнь. Раскачивать канцелярские стулья не в его натуре. Шорох бумажных инструкций — что может быть страшнее для живого, горячего, инициативного человека?

Плох тот солдат, который не мечтает быть генералом. Мансуров хочет быть лучшим среди людей. И упрекнуть его за это невозможно. Все зависит от того, какими путями стремится добиться человек «генеральского чина», ведет ли его за собой только призрак грядущей личной славы или он собирается отдать свой талант народу, собирается помочь ему строить новую жизнь?

На первых порах Мансуров преследует обе цели. Его благо должно стать благом народа, его выдвижение должно принести людям пользу. И вот он начинает борьбу — тяжелую, неравную, ту, от которой отступились и старик Чистотелов, и Игнат Гмызин, и Комелев.

Хиреющий лен в исконно льноводческих местах — сигнал беды: жизнь Коршуновского района идет ненормально. Разве в райкоме не знают об этом? Знают, но подчиняются централизованному планированию: одной рукой тянутся ко льну, другой отталкивают. Надо крикнуть об этом, прошибить стенку. Тогда в руках Мансурова появляется потертая папка с вылинявшими лиловыми завязками. Жизнь становится для него интересной. Борьба пугает только слабых.

После Сентябрьского пленума ЦК КПСС идеи Мансурова торжествуют. Он становится широко известным. Его избирают первым секретарем райкома. Гордость, скрытая радость обуревают Павла. Ведь это только начало! Долго пришлось ему ждать, но теперь уже все будет по-новому.

Павел любит порисоваться. Да как же иначе, ведь он молод, красив, не чужд тщеславия, им любитесь весь район, он у всех на виду, по нему равняются, к его словам прислушиваются, по его делам оценивают свои собственные.

Секретарь обкома Курганов сообщает о прибытии в область племенного скота. Работу районных руководителей он будет оценивать исходя из того, сколько район возьмет коров на свои плечи: много возьмешь — хороший работник, мало — дурной.

«Плохо ли отхватить богатый куш, — думает Мансуров, — одним разом выправить положение с животноводством — соблазн велик, но в районе не везде хорошо с кормами, скотные дворы не подготовлены к приему племенных коров, да и кадры животноводческие слабы. Нет, больших обещаний давать нельзя».

Так у Мансурова возникает твердое решение — не зарываться. Но, выйдя на трибуну совещания, увидев подбадривающую улыбку Курганова, который словно говорил ему: «Смотри, не подведи, покажи пример, удиви», увидев сотни людей, ждавших от него подвига, он понял, что он не может разочаровать этих людей, что не к лицу ему осторожность, что сейчас и его, как других неудачливых ораторов, одернут, осмеют, если он струсит, послушается голоса рассудка, поступит чересчур осмотрительно.

Нет, он не шумаковский секретарь, он — Мансуров. И вот звучным, упрямым, властным голосом он называет

страшную цифру — пятьсот голов, и весь зал доброжелательно аплодирует своему любимцу.

Разве мог Мансуров поступить иначе, оставаясь самим собой? И даже теперь, совершив ошибку, разве не надеется он справиться как-нибудь с этими коровами?

Так Мансуров под давлением обстоятельств, не успев как следует освоиться с новой работой, вопреки своим планам, оказывается втянутым в авантюру, не находит в себе сил ей противостоять и воспрепятствовать. Так, не успев выпрямиться и развернуть плечи, он снова сгибается под тяжестью навалившейся на него неожиданно-негаданно заботы.

И вот уже грозит ему Курганов: «Будем требовать, чтобы весь скот прижился. Ни одной твоей жалобы, ни единой слезинки не примем во внимание. Помни!»

Ничего не спросил секретарь обкома у своего младшего товарища. Ничего не выяснил, ничем не поделился — пригрозил, испугал, и только.

Дурной пример заразителен. И вот уже Мансуров сурово отчитывает Мургина — не трясись, не плачь, другие небось не плачут.

Всю жизнь веровал Павел, что только беспокойные люди двигают жизнь. Но лишь тогда беспокойство признак силы, когда оно смело. Комелев, Мургин, Гмызин, думает Мансуров, разучились беспокоиться. Риск есть, но когда большое дело удавалось без риска? «А здесь дело великое! Пятьсот голов племенного скота, разбросанных по колхозам района, через год дадут потомство. Увеличится животноводство, окрепнут колхозы. Это ли не показательно! Заговорят в области, зашумят газеты, до самой Москвы дойдет слава о Коршуновском районе. Стоит идти на риск».

Заметьте, Мансуров думает об укреплении колхозов, о славе района, а не только о своей личной славе. Он еще далек от того, чтобы забыть об общественном благе.

Беда, говорят в народе, никогда не приходит одна. Одна ошибка порождает другую. Самое страшное — ждать наказания. Ждет его Феодосий Мургин — пала у него племенная корова, но ждет его и Мансуров. Кто отвечает за случившееся? Председатель колхоза. А выше? Секретарь райкома. А еще выше? Секретарь обкома.

Так побежали по цепочке человеческие судьбы. Курганов от Мансурова, Мансуров от Мургина — один от

другого требуют ответа. Кому-то надо расплачиваться за случившееся своей головой.

Не жалости просит Мургин у Мансурова — поверить как человеку, поверить как коммунисту. Еще можно поправить дело, еще можно исправить ошибку.

Непреклонен Павел. Идет атака, на полдороге не останавливаются. К тем, кто хочет залечь на полпути, надо относиться без жалости: заляжет, а завтра отчитывайся перед Кургановым. Залег Мургин — обязанность Мансурова добиться, чтобы другие не последовали такому позорному примеру: «Буду настаивать, чтоб сняли с председателей, немедленно! — жестоко бросает Мансуров Мургину. — И это не все. Мы партбилет попросим показать!»

Погиб Мургин. Коровы «перевесили» человека. Но ничего не понял еще Мансуров. Все глубже и глубже зарывается он с головой в неприятности, все отчаяннее борется за свою подмоченную репутацию, и на все новые и новые ошибки подталкивает его Курганов.

А между тем люди отходят от Павла, да и сам он перестает в них верить. Завертела жизнь Мансурова, обиделся он на Гмызина, сошелся с беспринципным Сурепкиным, которого еще вчера презирал, пустился во все тяжкие, теперь ему уже все равно, «пан или пропал». «Грянет гром из обкома, пыль пойдет от секретаря Мансурова, скот, бескормицу, даже смерть Мургина припомнят. Тугой узелок завязывается, как распутать его?»

И вот приближается развязка: все отшатнулись от Павла, его вчерашний друг Игнат Гмызин назвал кормоцеха опасной аферой. Хорошо же, Игнат Егорович, еще узнаешь Мансурова! Но часы коршуновского секретаря уже сочтены. Тут как тут его грозный судья — неумолимый Курганов.

Финальный разговор Курганова с Мансуровым удивительно повторяет последнее объяснение Мансурова и Мургина:

«Помогите очиститься. Не отталкивайте. Не топите... Поверьте, в другом месте, уехав из Коршунова, я очишусь от грязи, с самой решительной, с самой горячей радостью забуду прошлое!»

Но Курганов упорен. Толкнув Мансурова в пропасть, точно так же, как сам Мансуров поступил с Мургиным,

он произносит теперь жестокие слова, спасая себя за счет другого: «Честным коммунистом? . . . Для коммуниста преступно не то, что он допустил ошибку, вдесятеро преступней скрыть ее! Вы в течение многих месяцев замазывали, прятали ошибки, и теперь осмеливаетесь предлагать мне: скройте меня с прошлыми грехами, помогите стать человеком. Не выйдет это, товарищ Мансуров!»

Убеждение в том, что Мансуров безнадежно запутался, придает Курганову уверенность в своей правоте. И действительно, разве не пал морально Павел? Разве не опустился он, не растерял так скоро то хорошее, что было свойственно его характеру? Разве не он убил Мургина, разве не он занимался разными экспериментами, разве не он оторвался от народа и потерял былой авторитет?

Рассеялась как дым слава Мансурова, но и тут, в момент своего морального и политического падения, он гордо держит кудрявую голову. Кто виноват в том, что он стал таким? Кто поощрял его, кто подбадривал, с чьего молчаливого одобрения он настаивал на строительстве кормоцехов, кто подсунул ему полтысячи коров? От него требуют ответа, и он скажет все.

В первой редакции повести В. Тендряков неожиданно пытался «под занавес» оправдать Курганова. Однако этот человек не вызывает у читателей никаких симпатий. Как ни виноват Мансуров, как ни пал он морально — не Курганову его судить.

Финальная сцена показывает, что Тендряков первоначально сам не понял до конца всего того, о чем так правдиво и сурово говорит его книга. Показав, как забвение народных интересов, грубое администрирование вместо воспитания, бездушный бюрократизм вместо подлинно демократических связей руководителей с народом калечат и губят людей, он поспешил в последней главе встать на сторону бездушного правосудия, невольно солидаризовался с теми критиками, которые всю вину за события в Коршуновском районе готовы переложить на одного Мансурова.

Так между объективным содержанием повести и субъективным замыслом автора в журнальной публикации произведения наметился серьезный разрыв.

Хорош лишь тот руководитель, который прислуши-

вается к рядовым людям, защищает их интересы. Почему так быстро сорвался энергичный, умный и сильный Мансуров? Да потому, что он, так же как и Комелев, «понес все в одну сторону». Он видел этот недостаток у Комелева, но не сумел поставить дело по-иному.

Винной тому в немалой степени были его индивидуалистические замашки, но важно увидеть, подчеркнуть в повести Тендрякова и другое: в обстановке администрирования, насаждаемого Кургановым в области, у Мансурова не хватило ни воли, ни опыта, ни мудрости действовать последовательно и принципиально, как положено подлинно народному руководителю. Все отрицательное в его характере развилось и усилилось, одни ошибки породили другие, и Мансуров стал в самом деле карьеристом, зажимщиком критики, заправским обманщиком.

Непоследовательность автора, с одной стороны утверждавшего, что дело не только в человеческих качествах руководителя, а с другой стороны склонного в финале повести объяснять причину падения Мансурова как раз отсутствием у него нужных для служения народу качеств, подчеркивалась всей образной структурой книги.

Допустим, что Мансуров один и только один виноват в своем падении, а все случившееся в Коршуновском районе — результат допущенных им злоупотреблений. Но как же быть в таком случае с областью в целом? Ведь здесь всюду дело обстоит неважно: «В Шумаковке, у соседей, тоже плохо с кормами! Банникова, секретаря райкома, каждый месяц вызывают в обком на бюро, записали уже выговор. Перхунов из Сумакова — авторитет! — а весной чуть ли не треть колхозов оставил без рабочей силы, ушли люди на строительство целлюлозного комбината, сорвали сев, — теперь освобожден мужик от работы. . . А недавно в газете раскатали соборянского секретаря райкома за то, что его уполномоченные подменяли колхозных председателей. А разве мало было неприятностей у Комелева? . . .»

Неужели все районные руководители — карьеристы и обманщики? Вряд ли кому-нибудь может прийти в голову такая мысль.

Уж на что не соответствует своей должности Баев! Сухой педант, пресекающий в корне всякую критику,

расплодивший вокруг себя подхалимов и лицемеров, вроде Зыбиной, Пугачева или Сурепкина, а ведь и он не такой уж закоренелый злодей.

Трагическая вина баевых в том, что плывут они по течению — бездушно и формально выполняют все указания, нет у них ни собственного мнения, ни призвания к руководству, им безразлично, за что бороться; прикажут — выполнят, не прикажут — обойдутся. Превыше всего радеют они о том, что в их представлении ложно именуется «партийной дисциплиной». Не ровен час, кто-нибудь своей «критикой снизу» внесет «дезорганизацию», нарушит спокойствие, учинит беспорядок.

Соберите всех баевых, расскажите о допущенных ими ошибках, сломайте порочный стиль работы, сложившийся в подведомственных им учреждениях, — и они с готовностью возьмутся за дело по-новому. Другой вопрос — что получится из этого? Не так просто исправлять ошибки, да и не всякий в конечном счете способен быть вожаком. Многим баевым придется вернуться к преподаванию ботаники, что, разумеется, не менее полезно и почетно, чем руководящая работа, но иные из них, вероятно, сумеют перестроиться и будут продолжать свою политическую деятельность в духе решений XX съезда КПСС.

А Игнат Гмызин, едва ли не самый положительный герой Тендрякова, отличный хозяин, человек, действительно близкий к народу, идет на обман, занимается приписками в отчетах. Обвинительным актом кургановским порядкам звучит исповедь Игната перед Сашей:

«Хотелось бы, чтобы ты таких штучек не знал. Очень хотелось! Но жизнь есть жизнь, и не след от нее прятаться. Те люди, которые меня контролируют, цифрами привыкли питаться. Поднеси им не ту цифру, вспокошатся, начнут забрасывать к нам в колхоз бумаги, телефонограммы, одну другой грозней. Почему не выполнен план? Подводите район! Подрываете колхоз! Втолковывать, что район мы не подводим, колхоз не подрываем, план в конце концов от этого не страдает, — бесполезное дело. Дай им нужную цифру, иначе не будет видимости, что все благополучно... Хорошо, буду совестливым, упрусь. Меня начнут таскать по заседаниям, по совещаниям, указывать пальцем. Ну, это еще полбеды. Перестанут доверять, пришлют уполномо-

ценных, тех, для кого цифра — бог. Они по пятам начнут ходить, указывать, сдерживать, руки свяжут. И все это из-за маленькой цифры. Не напиши ее или напиши, покриви чуточку или выдержи правду — все равно от этого кудрявинские покосы не очистятся от кустов, сена с них не прибавится и не убавится. Если б вредило, мешало жить — кровь из носу, а воевали бы. Ни попреки, ни уполномоченные, поверь, не испугали бы. А сейчас — чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало».

Вот где корень зла! Вот что подталкивает Мансурова к пропасти, вот что заставляет Баева наступать на горло всякой критике, вот что превращает честного коммуниста Гмызина в очковтирателя — цифре больше верят, чем человеку!

«Суди меня, — говорит Гмызин, — отвсчу, но подними вопрос о том, чтоб ни у меня, ни у других председателей не случилось бы больше нужды объезжать на кри-вой, поправь жизнь».

Разве эти слова, почти исчерпывающе определяющие идею повести, не могли быть произнесены Мансуровым? И если он не сказал их, то только потому, что у него не хватило мужества и твердости ответить за свои ошибки.

Вот почему напрасно вкладывает Тендряков в уста Игната фразу о том, что партийная работа для Мансурова лишь лесенка, по которой удобно подняться над всеми. Читаешь эту фразу и, замечая ее неорганичность, думаешь: вставлена она позже, уже тогда, когда повесть была написана и автор ощущал необходимость подготовить финальные страницы своего произведения, так слабо вытекающие из всего ранее изображенного.

Что там ни говори, а заключительные главы первой редакции книги с их попыткой превратить Курганова в олицетворение народной совести, вершащей над Мансуровым праведный суд, выглядели неубедительно.

Необходимость опровергнуть одностороннее представление о Мансурове как человеке, злая воля которого ведет доверенное ему дело к неизбежной гибели, заставила нас несколько отвлечься от вопроса о действительно отрицательных чертах мансуровского характера. А они несомненно налицо, и не видеть их было бы нелепо. Здесь и переоценка собственных сил, и желание все и за всех решать одному, и тщеславие, и позерство,

и, наконец, то самое недоверие к людям, которое и в Комелеве так обижало коршуновцев.

Есть в напористом характере Мансурова черточки, роднящие его, как это на первый взгляд ни удивительно, с маленькой хрупкой Катей.

Образу черноволосой девушки — «эллинки среди коршуновцев» — присуще большое художественное обаяние. Внешнему облику Кати соответствует ее привлекательный внутренний облик. Но как жестоко ошибается эта девушка, как много в ее характере наносного, догматического, как слепо верит она в циркуляры и авторитеты, в непогрешимость «великих людей»! Вера в партию — самое светлое в Катиной жизни, и за эту веру мы готовы простить ей все ее заблуждения. Обидно только, что в представлении Кати партия — это не миллионы коммунистов, объединившихся под знаменем ленинских идей и строящих коммунистическое общество, а — бюро райкома. А райком не ошибается, пойти против райкома, выступить с критикой его ошибок — значит ослабить партию, развалить дисциплину.

Где-то в повести мы уже слышали подобную точку зрения. Ну конечно же, ведь это точка зрения бюрократа Баева! Как жаль, что юная Катя уже заражена деляческим, казешным подходом к жизни!

Но едва ли не наиболее уязвимо в Кате именно то, что побудило нас завести о ней разговор, то, что сблизжает ее с человеком, во имя любви к которому она готова забыть обо всем на свете. Коршуновская жизнь для Кати, так же как и для Мансурова, — что-то временное, случайное, ненастоящее. Она мечтает о великих деяниях, о головокружительных подвигах. Приказала бы партия: умри! — умерла бы. Ей тесно и душно в пропыленном селе. Так и зовут, так и манят ее невозможные дали. Однако мечты мечтами, а жизнь жизнью. Мечтала поехать на целину — не поехала, мечтала чему-нибудь научиться — не научилась. И вот течет все вокруг — игрушечное, томительное, ненастоящее.

Так и Мансуров всю жизнь тяготеет окружающим, бредит заморскими странами, несбыточными проектами, неосуществимыми делами. Все мелко для него, все слишком легко, а довелось стать районным руководителем — и сразу обжегся: плетень обернулся стеною, ямка — пропастью, бугорок — горою.

Пустое, вредное прожектерство, презрение к черной, трудоемкой работе, велеречивые слова о подвигах часто еще, к сожалению, губят людей, считающих себя на голову выше всех прочих смертных. Рожденные для великих якобы дел и неких необыкновенных свершений, эти «герои» чужаются земной повседневности, привносят с собой в любую работу душок мелкого индивидуализма, всюду они «лишние люди» и всюду — гордые и непонятые страдалцы.

Необходимо особое внимание к этой породе людей, серьезное их воспитание, нельзя сложа руки ожидать момента, когда жизнь сурово накажет их за никчемную мечтательность, за непомерное честолюбие, за отрыв от действительности.

«Красива наша земля», — говорит в своей книге писатель. Пластическое искусство воспроизведения конкретно-неповторимых картин жизни выдвигает В. Тендрякова в ряды крупных мастеров слова. Есть в его повестях та удивительная подлинность и достоверность, которая свойственна лишь крупным художникам. Нельзя забыть страницы, рассказывающие о начале самостоятельной жизни Саши, о его поездке с Игнатом по полевым дорогам или о свидании с Катей у подножия старой сосны, все эти проникновенные сельские пейзажи. Но на этой красивой земле, завещал Саше отец, нужно сделать и жизнь красивой. Ради этого и живет, набирается опыта и знаний юный, наивный и доверчивый Саша. Ради этого и написал свою книгу автор.

Что необходимо для того, чтобы история внезапного взлета и еще более стремительного падения Мансурова нигде и никогда не повторялась? Что необходимо для того, чтобы Игнат Гмызин никогда больше не занимался очковтирательством, а существование простых людей никогда и ничем не было омрачено?

Решения XX и XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза с ленинской последовательностью и принципиальностью ответили на эти жгучие вопросы: в нашей стране ликвидированы последствия культа личности, пресечено в корне грубое администрирование, подменяющее кропотливую работу по воспитанию и выдвижению кадров, ведется непримиримая борьба с бюрократическими извращениями в советском и пар-

ийном аппарате, поощряется народная инициатива, изживаются недочеты, вызванные излишней централизацией планирования.

Нынче те, кто хотят честно служить Родине, не повторяют мансуровских ошибок. А карьеристам и демагогам легче отрезать все дороги, все лазейки к незаслуженной славе и власти.

Таковы объективные выводы из анализа повести В. Тендрякова «Тугой узел».

Не переключивать вину на одного Мансурова, а еще сильнее подчеркнуть тесную взаимосвязь исторических обстоятельств и исторических характеров — вот что должен был сделать писатель, верный логике развития образов и событий в своем произведении. И он это сделал.

Знакомство со вторым вариантом повести не оставляет больше никаких сомнений в ошибочности шаблонного и прямолинейного рассмотрения Мансурова только как карьериста и авантюриста. В новых главах В. Тендряков подчеркнул, что искреннее желание Мансурова отдать все силы народу не смогло осуществиться в обстановке «кургановщины», при бюрократических методах руководства, насаждавшихся обкомом в районах. Вина Мансурова первоначально состояла только в том, что он не нашел в себе мужества пойти и дальше «напролом», как он это делал тогда, когда еще не был секретарем райкома. Но в дальнейшем под давлением обстоятельств в характере Мансурова все сильнее стали брать верх индивидуалистические черты, началось трагическое перерождение этого незаурядного во многих отношениях человека, мечтавшего воевать против равнодушных, собиравшегося быть безжалостным к себе во имя счастья человечества.

В новой редакции повести окончательно прояснилось и авторское понимание образа Курганова. Подменяя партийную принципиальность беспокойством за свою собственную судьбу, Курганов посылает Мансурова на учебу. Как справедливо расценивает этот странный факт Игнат Гмызин, пойдет теперь Павел смелее шагать по жизни, много причинит неприятностей честным людям, если не сумеет очиститься от тех сорняков, которые буйно разрослись в его душе за время пребывания на ответственной работе.

Во втором варианте повести уже нет расхождения между субъективным авторским замыслом и объективным звучанием произведения. Книга стала еще острее, значительнее, глубже.

* * *

Советская эпоха, освободившая человека от пут капиталистической эксплуатации, породила людей нового типа, немислимых в иные исторические формации. Революционный размах, творческое отношение к жизни, патриотизм и интернационализм, враждебность к волчьим законам и эгоистической морали буржуазного общества, подлинная человечность, уверенность в завтрашнем дне — характерные черты социалистического сознания, самого передового общественного сознания человечества.

Лучшие произведения советской литературы показали все величие человека социалистического мира, чистоту его морального облика, привлекательность его духовного мира. Корчагин и Басов, Левинсон и Батманов, Мересьев и Лобанов, Ковшова и Бахирев — герои, выдвинутые советской действительностью, плоть от плоти своего великого времени. Но развитие советского общества совершается на основе преодоления неизбежно возникающих при движении противоречий. Духовный мир человека — производное от многих, подчас взаимно исключаящих, сил. Как ни огромно значение социалистических общественных отношений, утвердившихся в нашей стране, для формирования человеческой личности, но на нее оказывают влияние и пережитки старого в сознании, и «родимые пятна» капитализма в экономике, и имевшие место нарушения принципов социализма в хозяйственной и культурной жизни, и все трудности и противоречия поступательного движения вперед.

В годы культа личности воздействие теневых, отрицательных явлений жизни на сознание рядового человека серьезно усилилось. В разных сферах жизни появились люди, вобравшие в себя все нездоровые наслоения и накипь момента.